

Санкт-Петербургский государственный университет

Филологический факультет

XLIV Международная филологическая конференция

Секция общего языкознания

ПОДСЕКЦИЯ ФОНОЛОГИИ

**Программа
и тезисы докладов**

14 марта 2015 г., суббота, 11:00

Филологический факультет СПбГУ,
Университетская наб., д. 11,
ауд. 184 (кафедра общего языкознания)

Санкт-Петербург, 2015

11:00 — Вадим Борисович Касевич

К систематизации фонологических категорий

В докладе предлагается логическое структурирование основных категорий фонологии: фонема, слог, мора, дифференциальный признак. Обсуждаются трудности, возникающие при сведении указанных категорий в некоторую универсальную систему.

11:30 — Леонид Леонидович Касаткин

Плотное и неплотное соединение морфем в слове

Внимание лингвистов давно привлекает разное поведение согласных и гласных на стыке разных морфем и внутри морфем в слове.

12:00 — Юрий Александрович Клейнер

Морфологические и фонемные границы

Дискуссия относительно процедур сегментации речевого потока, соответственно, определения характера сегмента — моно- или бифонемного, обычно ставила во главу угла либо разбиение этого сегмента слоговой границей (Н. С. Трубецкой), либо прохождения внутри него границы морфемы или наличия морфологического чередования / внутренней флексии (Л. Р. Зиндер). Последнее предполагает существование особых процедур членения экспонента морфемы, определяющих реальность границ морфемы как знаковой единицы в целом.

12:30 — Алексей Викторович Андронов

В поисках живых чередований фонем

Рассматривается значимость традиционного деления чередований на живые (условия которых описываются исключительно в терминах фонологии) и исторические (при описании которых необходимо привлечение морфологических данных) для фонологического анализа. Как соотносится оно с различием аллофонических и фонемных чере-

дований? Следует ли из этого разделения какая-либо дополнительная классификация фонологических явлений? Или, как полагает М. Б. Попов, «с точки зрения фонологической системы разграничение исторических и живых чередований не имеет смысла» [Попов 2004: 130]?

13:00 — перерыв

13:15 — Мария Леонидовна Каленчук

О позиционном подходе к описанию произносительных явлений

В докладе предлагается применить к фонетическим и орфоэпическим закономерностям русского языка позиционную логику, что позволит не противопоставлять фонетику и орфоэпию друг другу, а объединить их в едином описании. При этом следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные.

13:45 — Розалия Францевна Касаткина

Фонетические способы «нобилизации» русской речи

Доклад посвящён анализу фонетических способов «нобилизации» русской речи. Рассматриваются такие явления, как произношение нередуцированных [o] и [e] в безударных слогах, произношение долгого согласного после ударного гласного, произношение твёрдых согласных перед «е».

14:15 — Мария Алексеевна Флакман,

Наталия Николаевна Ноланд

Проект «Iconicity Atlas»: опыт типологического сопоставления звукоизобразительной лексики языков мира

Совместный долгосрочный проект «Iconicity Atlas», реализуемый на базе Houston Community College и кафедры

Иностранных языков СПбГЭТУ «ЛЭТИ» посвящён типолого-сопоставительному изучению звукоизобразительной лексики языков мира с целью выявления универсальных тенденций в сфере звукообозначения. Помимо непосредственного обращения к лексикографическому материалу в исследовании широко применяются методы анкетирования и интервьюирования носителей неродственных и географически удалённых друг от друга языков.

14:45 — общая дискуссия

В поисках живых чередований фонем

В работах по фонетике, фонологии, морфонологии широко используется разделение чередований на живые (условия которых описываются исключительно в терминах фонологии) и исторические (для описания которых необходимо привлечение морфологических данных). Следует ли из этого разделения какая-либо дополнительная классификация фонологических явлений? Как соотносится оно с различием аллофонических и фонемных чередований? Ясно, что в исторических чередованиях могут участвовать только фонемы, а аллофоны могут участвовать только в живых чередованиях. Вопрос, таким образом, сводится к тому, могут ли в живых чередованиях участвовать фонемы. Если нет, то противопоставление живых и исторических чередований утрачивает какое-либо значение, просто дублируя противопоставление аллофонических и фонемных чередований (ср. Попов (2004: 130): «с точки зрения фонологической системы разграничение исторических и живых чередований не имеет смысла»).

Анализ чередований привлекается в процедурах фонологического анализа: при идентификации фонов (сведении их в классы эквивалентности) и при систематизации фонем.

Идентификации подлежат те фоны, которые находятся в отношении живого (то есть описываемого в терминах фонологии) чередования и не способны различать морфемы (ср. Касевич 1983: 44–45). Как видно из формулировки, в процедуре установления эквивалентности задействованы два критерия: полученные в результате сегментации фоны проверяются с точки зрения условий, обеспечивающих их выбор при чередовании, и с точки зрения различительной способности. При этом констатация вовлечённости морфологических соображений в формулировку чередования или наличия смылоразличительного противопоставления уже и по отдельности свидетельствуют против объединения анализируемых фонов в класс эквивалентности. Мы возвращаемся к тому же вопросу: существуют ли живые чередования фонем?

М. Б. Поповым (1998; 2004: 124–148) на конкретных примерах из русского языка с активным привлечением данных из истории соответствующих фонологических процессов убедительно показано, что при описании любого фонемного чередования морфологическая информация необходима. (Итоговый вывод осторожно формулируется лишь для русского языка, но сама логика рассуждения придаёт ему общелингвистическую значимость.) Это наблюдение в некотором смысле закрывает путь для классификации фонемных чередований, так как все они оказываются историческими. Более целесообразным представляется сохранение традиционного противопоставления путём акцентирования разницы в морфологическом контексте, обуславливающим чередование, — специфичном при исторических чередованиях и неспецифичном при живых (Касевич 1986: 19). Иначе говоря, описание живых чередований требует лишь указания на тип сочетания морфологических единиц, в то время как для исторического важна информация о конкретных морфемах: чередование /d/ : /d'/ в *вод-а* — *вод-е* останется живым (на стыке основы и окончания перед /e/ обязательно появление мягкого согласного (если таковой есть в системе)), а в *вод-а* — *вод-ян-ка* — историческим (перед суффиксом /-ан-/).

Учёт противопоставления исторических и живых чередований и дальнейшая классификация последних с точки зрения типа стыка морфем (по мере уменьшения тесноты, то есть увеличения неоднородности: корень и суффикс, основа и окончание, приставка и корень, два корня, клитика и ортотоническое слово, два ортотонических слова и т. д. с учётом интонации и пауз) полезна при систематизации фонем, подразумевающей выявление фонологических признаков и выяснение их иерархии. Принцип фонологической однородности речевого потока (важный при сегментации и предполагающий, что одинаковые звучания фонологически интерпретируются одинаково независимо от типа стыка), не противоречит различному «фонологическому расстоянию» между конкретными участвующими в чередовании фонемами.

Мария Леонидовна Каленчук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

О позиционном подходе к описанию произносительных явлений

Фонетические и орфоэпические закономерности русского языка объединяет то, что к ним применима позиционная логика, что позволяет не противопоставлять фонетику и орфоэпию друг другу, а объединить их в едином описании. При этом следует делить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные.

Результатом системного применения позиционного многофакторного подхода к явлениям русской фонетики должно стать описание, при котором реализация любой фонемы позиционно обусловлена и предсказывается вероятностно. При этом лексикализованные непозиционные явления задаются списком.

Плотное и неплотное соединение морфем в слове

Внимание лингвистов давно привлекает разное поведение согласных и гласных на стыке разных морфем и внутри морфем в слове. Можно выделить плотное и неплотное соединение морфем в слове на фонетических основаниях: фонемы присоединённой служебной морфемы (или основы в составе сложного слова) реализуются при плотном её соединении с соседней морфемой (или с другой основой того же слова) теми же звуками, что и внутри корня (в том числе корня присоединяющей основы сложного слова), при неплотном соединении — иначе, чем в корне: безударные гласные не подчиняются обычной схеме редукции и законам аккомодации и ассимиляции, согласные в меньшей степени испытывают влияние соседних согласных.

Неплотное присоединение морфем характеризует главным образом начальные морфемы слова, что объясняется важностью для восприятия слова именно его начала. Неплотное присоединение может характеризовать также окончания и постфиксы, что объясняется большей длительностью конца слова, которая создаёт условия для более чёткого произношения и различения фонем в этой позиции.

При разной степени слитности морфем в разных словах возможна и разная степень неплотного присоединения морфем, что связано с разной степенью приближенности звуков, реализующих фонему, к её доминанте.

У безударных первообразных приставок с точки зрения глухости/звонкости конечного согласного плотное присоединение к следующей морфеме — приставке или корню: звонкие шумные согласные в сильной позиции не заменяются глухими. Среди первообразных приставок выделяются две, у которых эта закономерность может нарушаться: *меж-* и заимствованная приставка *суб-*. Между приставкой и корнем, начинающимся с ударного гласного, при неплотном соединении приставки с корнем может произноситься гортанная смычка. Перед ней звонкие шумные согласные приставок могут заменяться глухими, а после неё гласный [и] не заменяется на [ы].

В современном русском языке происходит процесс отвердения мягких согласных перед мягкими: $C'S' > SS'$. При этом отвердение конечного согласного приставок перед мягким согласным, начинающим следующую морфему, возникает раньше, чем внутри корня и на стыке корня и суффикса.

Плотность сцепления корня и суффикса велика, здесь на месте *сч, зч* господствует [ш'ш']. Сцепление приставки и корня менее плотное, здесь наряду с [ш'ш'] часто произносится [ш'ч']. На месте сочетаний *тц, дц* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ц], на стыке приставки и корня — [тц] и допустимо [ц]: стык приставки и корня неплотный. На месте сочетаний *тч, дч* рядом с согласным в корне и на стыке корня и суффикса произносится [ч'], на стыке приставки и корня — [т'ч'] и допустимо [ч']: стык приставки и корня неплотный.

Перед постфиксами *-ся, -те* различаются твёрдые и мягкие губные согласные перед мягкими зубными, присоединение этих постфиксов неплотное, они никак не меняют предшествующих согласных. В корнях слов такого различения нет.

В некоторых приставках и в приставках с некоторыми значениями всегда произносятся безударные качественно редуцированные гласные, присоединение таких приставок плотное. В других приставках могут произноситься безударные качественно не редуцированные гласные, присоединение таких приставок неплотное.

Основы сложного слова могут соединяться плотно и неплотно. О неплотном соединении всегда свидетельствует дополнительное ударение, возникновение которого зависит от ряда факторов.

Фонетические способы «нобилизации» русской речи

1. Хорошо известны случаи лексической «нобилизации» русской речи, употребление *абсолютно, корректно, новелла, пролонгировать* вместо *совершенно, правильно, новость, продлевать*, а также *контэнт, мэйнстрím, продáкшн, пátэрн, экишн, фикшн* и т. п.

2. В фонетике попытки «нобилизации» речи связаны с использованием наиболее ярких произносительных примет иноязычных слов: произношение нередуцированных [о] и [е] в безударных слогах (*бокáл, процéсс, концёрт, ромáн, ромáнс, рояль; термомéтр, терци́на, секстéт, серви́з*). При этом произношение [е] представляется не столь заметным, как произношение безударного [о]. Возможно, здесь проявляется «лингвистическая память» о бывшем *эканье*.

3. Произношение долгого согласного после ударного гласного в таких словах, как *дра́ма, пьéса, ра́са*.

4. Произношение твёрдых согласных перед *е*: *консервы, музей, патент, сельдерей, термин*. Исконно русские слова, не известные говорящему, стремящемуся «говорить красиво», могут в соответствии с той же моделью произноситься с твёрдым согласным перед *е*: *вер[тэ]н, к[рэ]сáло, обы[дэ]нность, с[тэ]зя, [тэ]рнóвник, полн[рэ]д*.

К систематизации фонологических категорий

В настоящем сообщении предпринята попытка свести в единую систему базисные категории фонологии — такие, как фонема, слог, мора, дифференциальный признак (ДП). Вне рассмотрения остаются супрасегментные (просодические) категории: тон, ударение, интонация. Расширить систему таким образом, чтобы она включала просодические явления (категории), вполне возможно, но это будет очевидный переход в иное пространство, что потребует дополнительного обоснования. Сведение в единую систему, или систематизация, означает, что все указанные категории должны найти своё место в единой системе координат, или, иначе, на базе использования одного и того же набора признаков. Необходимо также оговорить, что определения, которые здесь используются, рассчитаны на материал неслоговых (фонемных) языков.

Таблица. Единая система базисных фонологических категорий

	А	Б	В	Г
фонема	—	+	+	+
слог	+	+	+	+
мора	—	+	—	—
ДП	—	—	—	—

Прописные литеры, используемые в таблице, означают признаки — основание классификации, которые удобно представить в виде вопросов: А — может ли единица X функционировать самостоятельно? Б — является ли единица X линейной (могут ли единицы X и Y быть связаны отношением порядка)? В — связана ли единица X с планом содержания (потенциально)? Г — можно ли говорить о границах единицы X ?

Как кажется, полученная система удовлетворительно соответствует традиционным представлениям о типах связей между единицами/явлениями, которые для фонологии можно считать базисными. В ряде случаев предложенный подход делает эксплицитными характеристики, которые фактически фигурируют в определении соответствующих единиц. Так, фонема достаточно

обычно определяется как минимальная линейная единица плана выражения. Как видно из таблицы, это определение необходимо расширить: фонема есть минимальная линейная единица плана выражения, которая потенциально соотносится с планом содержания. Согласно с логикой системы, мора выступает как единица (функциональной) длительности — других позитивных характеристик у неё, похоже, нет. Мора и ДП отчётливо выделяются как единицы, которые обладают исключительно (ДП) или почти исключительно (мора) отрицательными характеристиками. Такое положение в системе, по-видимому, отражает двойственный характер соответствующих категорий: в них можно видеть переходный статус по сравнению с такими единицами, как фонема и слог, и, тем самым, переход от сегментных единиц к спрасегментным. Действительно, ДП явно нелинейны, что и связывает их с просодикой, а моры «почти нелинейны»: две моры могут быть связаны отношением порядка, но граница между ними фактически неопределима.

Введя понятие кварков, мы можем утверждать, что в плане выражения кварки бывают двух типов: кварки парадигматические — ДП, объединяющие классы и подклассы соответствующих единиц (например, класс согласных фонем, класс закрытых гласных), и кварки синтагматические — моры.

Как представляется, изложенный здесь подход имеет определённое методологическое значение. Показано, что адекватно выбранная логика описания позволяет дать более яркую репрезентацию архитектоники системы.

Есть в описании и недостаток, который нельзя замалчивать. Если мы обратим внимание на количественное соотношение «логизируемых» единиц/явлений, с одной стороны, и признаков, на базе которых это осуществляется — с другой, то увидим полное совпадение: четыре и четыре. Такое совпадение плохо соотносится с самой идеей использования признаков для классификации элементов тех или иных множеств: чем меньшим числом признаков мы можем описать некое множество, тем лучше классификация. Трудно сказать, преодолим ли этот недостаток.

Морфологические и фонемные границы

Большинство ведущих фонологических направлений, особенно в последние десятилетия, пользуются изначально заданным набором фонем, минуя стадию сегментации или — что то же самое — установления характера каждого данного сегмента с точки зрения его простоты/сложности, т. е. в нашем случае моно- и бифонемности. Исключением является фонология Пражского лингвистического кружка и Ленинградской/Петербургской фонологической школы.

Одним из главных критериев моно-/бифонемности. Н. С. Трубецкой считал возможность (соотв. невозможность) разбиения сегмента по двум слогам (Трубецкой 1960: 62). Этот критерий принято относить к числу «фонетических», что справедливо, если считать слог «минимальной произносительной единицей».

Иначе обстоит дело, если рассматривать его в качестве «модели организации фонем» (точнее, речевой цепи); в этом случае «границы между слогами — это, естественно, границы между фонемами» (Касевич 2006: 35). Впрочем, использование такого критерия наталкивается на трудности чисто практического порядка. Как замечает в связи с этим В. Б. Касевич, «тогда для использования слога деления в фонемной сегментации необходимо обладать исчерпывающим определением слога с точки зрения его фонемной организации. Вряд ли такая информация доступна в самом начале анализа» (там же).

В Ленинградской (щербовской) школе для установления моно-/бифонемности используется морфологический критерий. Действительно, положение, согласно которому морфологическая граница, проходящая внутри сегмента, свидетельствует о его бифонемности, само по себе, не вызывает сомнений. Менее очевидна возможность распространения его, например, на «внутреннюю флексию» или чередования типа нем. *binden* — *band* (Зиндер 1960: 35). Такая сегментация основывается на принципе остаточной выделимости: /bVnd-/. Но то же самое в случае англ. *bind* — *bound* даст неслоговые [-i] и [-ʊ] (глайды дифтонгов) в качестве самостоятельных фонем, что очевидно неверно).

Не следует забывать, что морфема — знаковая единица, соответственно, её границы отражают сегментацию не только плана содержания на смысловые отрезки, но и плана выражения на экспоненты. Последнее, в свою очередь, предполагает «отмеченность» морфемной границы. Следует подчеркнуть, что такая отмеченность границы не обязательно предполагает физическое выражение. Так, граница между корнем и флексией в формах типа *стола*, *столу*, *столом* устанавливается, благодаря наличию форм именительного и винительного падежа (*стол*). Наличие границы может, в принципе, входить в описание таких форм, и такая трактовка может распространяться на все формы с нулевой флексией: *корень-* + *морфологическая граница* + $\emptyset$.

Такой подход неприменим к формам типа англ. *pity*, где экспоненты (= единицы плана выражения) не всегда допускают проведение границ внутри себя (ср. *pity* vs. *pea-ty*). Своеобразие таких языков и состоит, собственно, в частичном сходстве с фонемными, частичном — со слоговыми языками, т. е. в возможности применения правила ресиллабации, или «правила Гординой» (см. Гордина 1966) лишь к части словаря.

Это значит, в свою очередь, что в таких языках есть морфемы, которые не членятся на слоги, а значит, и на более мелкие единицы, сходные с фонемами русского языка. В этой связи уместно процитировать оставшееся практически незамеченным высказывание А. С. Либермана: «При первом шаге фонологического анализа необходимо убедиться, действительно ли в изучаемом языке существуют фонемы» (Либерман 1971: 61), а значит, и механизмы их выявления, основанные на наличии двух типов границ (слоговых и морфемных) и их несовпадении.

Мария Алексеевна Флакман
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»)

Наталия Николаевна Ноланд
(Институт иностранных языков)

Проект «Iconicity Atlas»: опыт типологического сопоставления звукоизобразительной лексики языков мира

Звукоизобразительная лексика имеется во всех языках мира и неоднократно привлекала внимание исследователей (Hinton et al. 1994; Voeltz, Kilian-Hatz 2001). Слова наподобие рус. *хрум-хрум, гав-гав, шуршать* или англ. *crunch, bow-wow, rustle* имеют структурное сходство со своими денотатами (природными звучаниями) и являются знаками-иконами согласно классификации Ч. С. Пирса (2000). Однако, несмотря на общность денотата, звукообозначения различных языков мира не являются идентичными, хотя и имеют ряд общих черт.

Проект «Iconicity Atlas» имеет своей целью создание интерактивного атласа звукоизобразительной лексики языков мира, позволяющего проводить масштабные типологические сравнения.

На базе универсальной классификации звукоизобразительной лексики С. В. Воронина (2006), опробованной на материале эстонского (Вельди 1988), лезгинского (Мазанаев 1985), индонезийского (Братусь 1976) и др. языков, был составлен специальный опросник, охватывающий основные типы естественных звучаний и артикуляторных процессов (чавканье, икота, смех, шуршание, грохот, писк и др.).

Сбор материала для «Атласа» ведётся в три этапа.

На первом этапе информантам (студентам-иностранцам Houston Community College и СПбГЭТУ «ЛЭТИ») предъявляется указанный опросник и даются указания по его заполнению. В ряде случаев вопросы сопровождаются аудиозаписью соответствующих звуков с диктофона.

На втором этапе производится запись ответов информантов на диктофон и создание пояснительных комментариев. Такими пояснительными комментариями являются сведения относительно морфологического членения слов, особенностей употреб-

ления (слово литературного или разговорного языка, слово сниженной стилистической окраски и т. п.) а также, по возможности, информация о происхождении слова. Последнее делается с целью исключить не-звукоизобразительные слова из ответов информантов. Так, корейское слово, полученное в качестве реализации концепта «нюхать, шумно втягивать носом воздух» *꿍꿍대다* (*keungkeung georida*) является производным от слова «нос» *꿍꿍* (*keungkeung*), и поэтому в «Атлас» включённым быть не может.

На третьем этапе ведётся обработка данных с привлечением словарей соответствующих языков.

Приведём пример. Понятие «лизать» обозначается: в диалекте йоруба *la*, в испанском языке *lamer*, в арабском языке *يلعق* (*laaka*), в русском языке *лизать*, а в английском — *lick*. Общей чертой представленных звукоизобразительных слов является иконическое использование латеральной фонемы /l/, несущей звукосимволическую нагрузку основного элемента артикуляции процесса лизания, которое происходит с участием языка.

С момента создания проекта (2014 год) был собран материал по английскому, русскому, корейскому, языку йоруба, испанскому, вьетнамскому и арабскому языкам.

Литература

- Hinton et al. 1994 — L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala (eds.). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Voeltz, Kilian-Hatz 2001 — E. F. K. Voeltz, C. Kilian-Hatz (eds.), Ideophones. Typological Studies in Language 44. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Прис 2000 — Ч. С. Пирс. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000.
- Воронин 2006 — С. В. Воронин. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Вельди 1988 — Э. А. Вельди. Англо-эстонские параллели в ономотопее: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988.
- Мазанаев 1985 — И. А. Мазанаев. Основные группы звукосимволических слов: фоносемантический анализ (на материале английского и лезгинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985.
- Братусь 1976 — И. Б. Братусь. Акустические ономотопы в индонезийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.